

Моск. ПРАВДА - 2005 - 1 апреля - с. 9

Андрей Максимов, драматург и режиссер, журналист и телеведущий, — человек приятный во всех отношениях. Настолько, что уже всерьез кажется воплощением интеллигентности.

Начало его карьеры ознаменовалось событием поистине мистическим. Он рассказывал об этом в одном из бесчисленных интервью (в последнее время **Максимов** дает и берет их с одинаковой частотой, не балуя собеседников ни разнообразием вопросов, ни оригинальностью ответов). Он сидел с отцом в ресторане ЦДЛ, как вдруг все встали. Через зал шел какой-то человек.

— Это **Пастернак**, — шепнул отец. С тех пор наш герой понял: жить надо достойно — чтобы все вставали.

Тут с великолепной наглядностью сказала одна из его фундаментальных черт — редкая выпренность при столь же редкой необразованности. Борис Пастернак после своего исключения из Союза писателей (октябрь 1958 года) не появлялся в Доме литераторов. Но даже если предположить, что в начале 1960 года (поэт умер 30 мая) ему страшно захотелось есть и он забежал в ресторан ЦДЛ, все равно нашему герою в это время было меньше года, и вряд ли отец потащил бы его обедать в писательский клуб. Остается предположить, что они обедали там где-то в конце 60-х, — и не мудрено, что при появлении Пастернака все встали. Не каждый день является призрак во плоти. Вероятно, ему уж очень хотелось увидеть маленького Андрея Максимова — и, сходя обратно в гроб, благословить его. Может, даже прочесть что-нибудь вроде «Идет без проволок и таит ночь, пока над спящим миром летчик ух-

одит в облака» — ведь именно Максимов со временем делается ведущим телепрограммы «Ночной полет».

Медийный век породил потрясающее явление (наш герой очень любит слово «потрясающе», будем же адекватны ему — если не по масштабу, то хотя бы по стилю). Раньше писатель становился телезвездой — при условии, разумеется, что его признавали духовным наставником и периодически звали в эфир. Теперь звезда становится писателем, настаивая на этом давно уже непрестижном, почти нищенском статусе в силу какого-то рудиментарного пристрастия к громким титулам. Казалось бы, чего тебе еще — по телевизору показывают, деньги платят. Но нет!

Менеджеры скидываются и на три дня арендуют гигантский экс-партийный пансионат, чтобы провести чтения своих графоманских виршей. **Александр Гордон** порывается в свободное от эфиров время ставить спектакли и снимать кино — и то и другое выходит невыносимо претенциозным и удручающе нудным, но он в упор не желает видеть, что столь сардоническому персонажу, отважно высмеивающему чужую пошлость, не пристало демонстрировать публике собственный младенчески-беззащитный зад. **Дмитрий Быков**, лоснясь во «Времечке», полагает своим долгом подчеркивать, что он прежде всего писатель, а телевидение — так, случайный заработок (хотя писатель, в свое время торговавший на НТВ поношенными тряпками знаменитостей, перед всей страной распилился в отсутствии у него элементарного вкуса). Андрей Максимов считает себя выдающимся театральным режиссером, серьезным драматургом и крупным прозаиком. Этот универсально одаренный человек не отказался бы даже поруководить репертуарным театром в Москве — он так и признается в одном из интервью: считая, мол, что у меня получилось бы. И даже от телевидения не стану отказываться — вел же **Михаил Швыдкой** в бытность свою министром культуры целое ток-шоу, так уж, верно, и я смогу! (Правда, Швыдкой записывает свою программу раз в месяц, пакетом по четыре выпуска, а у Максимова как-никак еженедельное шоу; не сравнимы ведь и масштабы дарований: что Швыдкому невозможно — Максиму запросто.)

Впрочем, пока любимый город может спать спокойно: все это, по самокритичному замечанию Андрея Марковича, пустые мечты. Не дадут ему репертуарный театр, поскольку выдающийся драматург затравлен профессиональным сообществом. Интервью так и называется — «Меня убили

критики». Правду сказать, дай Бог всякому такого убийства: жертва выглядит подозрительно упитанной, розовощекой и свежей. Но едва ли на всем отечественном телевидении найдется другая персона, воющая и стенающая над своей горькой участью с таким надрывом, который в каждом без исключения своем монологе перед прессой демонстрирует Максимов. Пожалуй, это единственное, в чем он достиг некоего артистизма.

«Травить» Максимова начали сразу, с первой его серьезной театральной постановки. То была «Комедия о настоящей беде Московскому царству», сиречь «Борис Годунов». Самым ценным итогом происходящего следовало бы назвать блистательную рецензию **Марины Зайонц**, в которой буквально на пальцах разъяснялось, что театральному критику совершенно необходимо браться за режиссуру. Финал заметки запомнился лучше спектакля: «Поставить, что ли, «Гамлета»? Неплохая вроде пьеска...»

По большому счету Андрея Марковича нельзя не пожалеть. Он сам признается корреспондентам, что «театр — болезнь, которая не лечится». Однако есть болезни, которые приличнее скрывать. Ни в какое другое время, ни при каких обстоятельствах, даже если бы включились все связи и дружбы, все факторы влияния и давления, Максиму не светило бы сделаться драматургом и режиссером, да и карьера телеведущего была бы проблематична. Но в начале 90-х пресса стала играть в жизни общества совершенно непропорциональную роль — и журналист Андрей Максимов попал в театр, а затем и на телевидение кратчайшим путем: он принял брать интервью у крупных театральных и телевизионных деятелей — и, Бог ты мой, что это были за интервью!

Иной раз смотришь на **Андрея Караулова** — не тогда, разумеется, когда он с громовым пафосом, достойным постановки «Отелло» в звенкийском драматическом театре, уничтожает очередную жертву своих бесстрашных разоблачений, а тогда, когда в «Русском веке» хочет сказать человеку приятное. Бровки домиком, глаза мечут молнии: как смеют какие-то «они», жалкие, ничтожные, усомниться в величии нашего гостя! Вот сидит перед нами человек, который вывез на своем горбу русское машиностроение, животноводство, живопись. Отдельные люди смеют иногда указывать ему даже не на погрешности, а на мелкие недочеты; кто, кто эти ничтожества?! Как они могут?! Как вы, вы, который... я не знаю... как вы все это терпите?! Как не увял еще

ваш живоносный дар от соприкосновения с этой реальностью! Другой бы давно сдался, сломался, спекся... но вы!!! Так вот, смотришь на Караулова и думаешь: дальше нельзя, это все-таки некий предел, точка отсчета. Потом читаешь или смотришь беседы Максимова с его гостями — как подготовленные в «газетные времена», так и записанные уже на телевидении — и понимаешь: можно. Нет предела совершенству. Максимов обрабатывает клиента не в пример изобретательнее. После беседы с ним столп культуры и спаситель Отечества в самом деле готов поверить, что равных ему нет. Караулов лижет грубо, прямо, шершаво — как топором тешет; автобиография Андрея Максимова, напротив, могла бы называться «Сорок лет без мыла».

Само собой разумеется, что воспоминания об Андрее Максимове у облизанного деятеля культуры сохраняются самые лучшие, и главное его желание — как-нибудь помочь тонкому критику, так чувствующему искусство. Несколько больших интервью с театральными деятелями — и Максимова ставят в театре, пусть на малой сцене, пусть при дружном недоумении критики. Еще несколько бесед — с артистами и режиссерами Театра имени Пушкина в частности — и Максимов получает постановку. Пространное интервью с несколькими известными телеведущими — и Максиму предлагают поработать у **Льва Новожинова** в программе АТВ «Времечко». Справедливости ради заметим, что замах был на другое — Андрей Маркович еще в бытность свою редактором отдела культуры еженедельника «Собеседник» (где подвизалась, неуклонно ширясь, другая будущая телезвезда — **Дмитрий Быков**) сделал интервью с **Владимиром Молчановым**, создателем передачи «До и после полуночи». Интервью называлось «Как **Владимир-князь** дружину собирал» и являло собою потрясающий сплав самого рептильного лизательства с самой безвкусной претензией. Количество завитушек, вставных фиоритур и залиvistых трелей заставляло вспомнить альбом влюбленного парикмахера; интервью Максимова вообще отличались поразительным количеством этих дополнительных прибамбасов, натужных острот и гимназических придыханий. У Молчанова, слава Богу, со вкусом все было в порядке; и на этот страстный лизок он ответил смущенным дистанцированием. Лев Юрьевич Новожинов оказался менее устойчив к максимовской восторженности, и Андрей Маркович попал в телевизор.

Надо отдать ему должное — он не забывает своих благодетелей, но благодарность

этим прошлым помощникам и соратникам — ничто по сравнению с преданностью начальству. В каждом своем интервью Андрей Маркович подробно рассказывал, как он любит руководство АТВ и сколь многим обязан ему; как дорого ему личное общение с **Сергеем Арцыбашевым**; какой потрясающий драматический талант открылся у балерины **Илзе Лиепы**... Все, кто почтил театральные постановки Андрея Марковича своим благосклонным участием, могут не сомневаться — он напоет не одну арию об их сказочной одаренности и героической преданности искусству. **Николай Расторгуев** (между прочим, советник президента по культуре) сыграл в спектакле Максимова по пьесе Максимова же свою первую и, слава Богу, единственную пока драматическую роль. Лидер «Любэ» попал в постановку после того, как Андрей Маркович профессионально ублажил его в «Ночном полете», не оставив необработанным ни одного квадратного сантиметра обширной расторгуевской индивидуальности. Николай рискнул — и показал себя в та-

ком блеске, что соперничать с ним мог только собственно максимовский текст. Оглушительный провал фривольной любовной комедии — исполненной, как всегда у Максимова, слоновьей грации и паркетного лоска — не помешал Андрею Марковичу широкоэпистолично рассказать, как серьезно и вдумчиво работал Расторгуев над ролью. Может, если бы он отнесся к происходящему не столь ответственно, как-то легче, что ли, — могло сойти; если бы меньше было газетного пиара — тем более...

Но Максимов не знает меры ни в чем. Обижаясь, он тоже идет до конца: известны случаи, когда он лично являлся к редакторам критикующих его изданий выяснять отношения, чередуя тактику кнута и пряника. Он внимательнейшим образом читает, вероятно, и эту заметку. Позвоните перед визитом, Андрей Маркович, мы закажем пропуск! Интересно, будет ли главный редактор «Карьеры» **Евгений Додолев** приглашен в «Ночной полет» — в обмен на обещание дезавуировать этот текст — или нам сразу начнут угрожать скандалом?

Андрей Максимов больше всего любит говорить и писать о любви. Это его конек, главная тема, излюбленный ход: он с милой самоиронией замечает, что не надеется, конечно, закрыть тему, но... Это он, прямо скажем, зря. Тема после Максимова действительно вызывает стойкое нежелание прикасаться к ней. Ничего более славного, сопливо-слюнявого, чем максимовские «Диалоги о любви», ни на отечественном радио, ни в российской печати еще не появлялось. До сих пор остается нераспроданной книга сенсационных бесед «День святого **Валентина**», где Андрей Маркович расспрашивает о любви разных именитых собеседников, от **Горбачева** до **Золотухи-на**. Кстати, на Золотухине и **Ирине Линдт** Максимов оттоптался по полной: эта пара, и без того много пережившая, рассказывала ему трагическую историю своей любви раза три, всякий раз с новыми подробностями. То на радио «Эхо Москвы», то в «Ночном полете»...

ОКОНЧАНИЕ см. на ОБОРОТЕ.

Биографическая справка

ФИО: Максимов Андрей Маркович.
Дата рождения: 25 апреля 1959 года.
Место рождения: Москва.
Образование: факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.
Работа: газеты «Комсомольская правда», «Россия», «Собеседник», радио «Эхо Москвы» (программа «Диалоги о любви»). Снял документальные фильмы и вел несколько программ на разных телеканалах. Участник и ведущий программ «Времечко», «Старая квартира», «Пресс-клуб», «Мужчина и женщина» на АТВ.
В настоящее время ведет программы «Ночной полет» (канал «Культура») и «Дежурный по стране» (канал «Россия») — производство компании АТВ.
Награды: 1999 — телевизионная премия «ТЭФИ» в номинации «Ведущий информационной программы».

